

РЕЦЕНЗИИ**REVIEWS**

DOI 10.69571/SSPU.2024.90.3.015

УДК 94(470)"18":323.4(091)

ББК 63.3(2)52-4

О.А. МИЛЕВСКИЙ

**СКРЫТЫЕ ФИГУРЫ «ВЕЛИКОГО ИК»
«НАРОДНОЙ ВОЛИ»¹**

O.A. MILEVSKIY

**HIDDEN FIGURES OF THE «GREAT IK»
OF NARODNAYA VOLYA**

Современная историографическая ситуация в России, связанная с изучением истории революционного народничества, весьма многолика и характеризуется серьезной полярностью оценок и суждений. Условно их можно разделить на две большие группы. К первой относятся работы, написанные с соблюдением истинно научного подхода, а ко второй, к сожалению, весьма многочисленной, принадлежат сочинения мало что общего с историей как наукой имеющие. Они изобилуют либо откровенной фальсификацией, либо просто незнанием или игнорированием в угоду политической конъюнктуры очевидных фактов из истории этого общественно-политического движения.

Зачастую у современных критиков народничества превалирует предвзятый антиисторичный подход, завязанный на прямых аналогиях и сравнениях тактики революционеров 1870-х гг. с действиями современных экстремистов и террористов. По отношению к таким авторам уместно будет привести точку зрения В.А. Твардовской, справедливо отмечавшей, что «оценивать идеи и действия революционеров вековой давности, исходя из нынешнего миропонимания, значит нарушать принцип историзма» [2, с. 9].

Поэтому на сегодняшний день перед учеными-гуманитариями может стоять только одна задача — проведение максимально объективных и непредвзятых научных исследований, не допускающих только «математической» смены оценок «с плюса на минус» [1, с. 26]. Тем более что история народничества, несмотря на более чем столетний период своего изучения, все еще таит в себе массу непознанного. До сих пор в тени остаются весьма яркие представители этого движения, о которых мало знают не только любители, но и специалисты. И отрадно, что исследователи Г.С. Кан и М.А. Барабанова направили фокус своих изысканий именно на такие, долго остававшиеся в тени фигуры из первого состава Исполнительного комитета «Народной воли», вошедшего в историю под названием «Великого ИК». В рамках подготовки томов «Архива еврейской истории» из-под их пера вышли достаточно полные биографии народовольцев Аарона Исааковича Зунделевича и Савелия Соломоновича Златопольского.

Авторство весьма объемной работы об Аароне Зунделевиче принадлежит известному историку-народниковеду Г.С. Кану. Следует сразу сказать, что обращение автора к личности Зунделевича заслуживает всяческого уважения. Надо признать, что историками народничества этот народоволец долгое время недооценивался. Может быть, сказывалось то обстоятельство, что остаток своей жизни после каторги он провел за границей и вне свя-

¹ Кан Г.С. Аарон Зунделевич: от раввинского училища к «Народной воле» // Архив еврейской истории. Т. 12. / Гл. ред. О.В. Будницкий. Москва / Бостон / СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2022. С. 128-229; Барабанова М.А. Народовец Савелий Златопольский // Архив еврейской истории. Т. 13. / Гл. ред. О.В. Будницкий. Москва / Бостон / СПб.: AcademicStudiesPress / Библиороссика, 2022. С. 182-265.

зей с Советской Россией? Хотя в народнических организациях второй половины 1870-х гг., не говоря уже о «Народной воле», эта личность, несомненно, была одной из ключевых.

Зунделевич «держал границу», весьма эффективно организуя переходы туда и обратно российских революционеров и доставку различных контрабандных грузов — от запрещенной литературы до типографских станков. Недаром очень критичный по отношению к народникам в своей «второй жизни» революционер, а впоследствии монархист Л.А. Тихомиров отзывался о нем очень высоко и ставил в своем «личном рейтинге» Зунделевича на высокое 4 место, сразу после А.Д. Михайлова, себя и А.И. Желябова.

Поэтому-то крайне важно, что Г.С. Кан обратился к реконструкции биографии этой, во многом системообразующей фигуры в революционном движении конца 1870-х гг. Отрадно, что статья, посвященная Зунделевичу, написана на высоком научном уровне. Подкупает в ней обращение практически ко всем материалам центральных архивов, где как-либо упоминалось имя этого народовольца. В свою очередь это позволило автору ярко и репрезентативно воссоздать различные периоды жизни «гения границы». Разве что в этом ряду не представлены региональные архивохранилища (Иркутск, Чита) — архивы тех мест, где Зунделевич отбывал каторгу, а затем ссылку. Но автор в рассматриваемой работе перед собой такой задачи и не ставил, ограничив свой интерес периодом активной революционной деятельности своего героя. Это оставляет надежду на то, что работа над темой будет продолжена и в дальнейшем охватит всю революционную биографию Зунделевича, в которой его сибирский ссыльнокаторжный период является не менее важным и интересным и может помочь еще более многогранно и глубоко раскрыть особенности его личности.

Рассматривая деятельность будущего народовольца с раннего детства вплоть до ареста и вынесения ему приговора, Г.С. Кан детально анализирует все ключевые моменты его становления как революционера. Так, например, он совершенно справедливо обращает внимание на систему чтения своего героя как важнейшую часть формирования его радикального мировоззрения. При этом Г.С. Канс делал очень интересное и много объясняющее в последующей духовной эволюции своего героя наблюдение о влиянии на юного Зунделевича книги «шестидесятника» Н.В. Соколова «Отщепенцы» (С. 131). Вполне правомочным выглядит и его вывод о том, что во многом под влиянием этой книги тогда еще вполне благонамеренный молодой человек превратился в социалиста и революционером, а также утратил свою былую религиозность (С. 132).

Далее, прослеживая путь идейной эволюции Зунделевича, автор отмечает, что наблюдения за российской действительностью и знакомство с политической жизнью Германии (июль 1875— весна 1876 г.) привели его к формированию весьма нетрадиционной для классического народника картины мира, в которой он был далек от идеализации российского крестьянина. Зунделевич оценивал русского мужика весьма невысоко, а по взглядам являл собой скорее сторонника немецкой социал-демократии, приверженца идеи личных и гражданских свобод, а также яркого противника любых форм деспотизма, включая самодержавие.

Судьбе было угодно, чтобы он встал у истоков создания двух крупнейших революционно-народнических организаций — «Земли и воли» и «Народной воли». Боевым же его крещением стало участие в организации побега князя-анархиста, а тогда «чайковца» П.А. Кропоткина из Николаевского военного госпиталя 30 июня 1876 г. Г.С. Кан подробно описывает приготовления к этому рискованному мероприятию и ту роль, которую играл в нем Зунделевич. При этом в основном при воссоздании картины побега используется только мемуарная литература, и в качестве рекомендации хотелось бы указать на то, что есть интересная статья П.И. Талерова, посвященная истории побега Кропоткина, целиком написанная им на основании архивного «Дела о революционной пропаганде в Империи. О побеге князя Кропоткина», хранящегося в РГИА [3]. Анализируя активную и очень эффективную деятельность Зунделевича в «Земле и воле» — от сношений с границей, создания нелегальных типографий в столице до участия в подготовке ряде крупных террористических актов (убийство

шефа жандармов Мезенцова (4 августа 1878 г.), покушение А.К. Соловьева на Александра II (2 апреля 1879 г.), Г.С. Канособое внимание обращает на его важную роль в добывании финансовых средств для революционеров.

На этом факте «революционной биографии» Зунделевича хотелось бы остановиться особо. Дело в том, что именно вопрос с финансированием чаще всего используют «лжеисторики» для того, чтобы показать связь народнических организаций с мировой «антироссийской закулисой». Некоторые из них (Н.Д. Литвинов и др.) прямо обвиняют русских народников в получении денег от иностранных спецслужб, изображая их циничными «наймитами» западных стран. Поэтому-то тщательно рассматривая вопрос «о деньгах для революции» и роли в их добывании Зунделевича (С. 160–165), Г.С. Кан вполне убедительно развенчивает эти ничем неподкрепленные исторические инсинуации ничего общего с реальными фактами не имеющие!

Также детально и тщательно освещается автором участие Зунделевича в судьбоносных для истории России событиях — это подготовка Липецкого съезда «политиков» и Воронежского съезда, а также непосредственная работа в комиссии по разделу имущества «Земли воли». Не вызывает сомнения тезис Г.С. Кана о том, что главнейшим мотивом присоединения Зунделевича к землевольцам-«политикам», а затем к «Народной воле» стало стремление к обретению политических свобод и созданию реально действующих в России демократических представительных учреждений.

Крайне важно, что, изучая очень небольшую по срокам (всего около 2,5 месяцев), но чрезвычайно полезную для организации деятельность Зунделевича в ИК «Народной воли», Г.С. Кан сумел осветить такой малоизвестный факт, как представление им своего видения программы «Народной воли». Обычно исследователи фокусируются на соперничестве двух программ — Л.А. Тихомирова и Н.А. Морозова, а о программе Зунделевича даже не упоминают. Отрадно, что в данном случае читатели могут, хотя и на основе реконструкции «программы Зунделевича», получить общее представление о ней (С. 204–207).

Арест, заключение, следствие и выступление на «процессе 16-ти» также нашли свое отражение в тексте работы. Рассматривая этот нелегкий период в жизни своего героя, автор уделил серьезное внимание и такой тонкой теме, как история с откровенными показаниями Г.Д. Гольденберга (С. 216–220) и выявлению роли Зунделевича в «отрезвлении» революционера, вконец запутавшегося в сетях, расставленных для него товарищем одесского прокурора А.Ф. Добржинским.

Вполне удалось Г.С. Кану воссоздать ход судебного процесса и поведение Зунделевича на нем, что было непросто сделать с учетом того, что с программными речами на нем выступали другие (С. Ширяев и А. Квятковский). Из приведенных автором свидетельств видно, что он держался на процессе в лучших традициях, сложившейся тогда «революционной этики», и с достоинством выслушал свой приговор.

Несомненно, в литературном плане работа Г.С. Кана серьезно выиграла от привлечения им в качестве некоей дополнительной иллюстрации к жизни Зунделевича выдержек из художественного произведения С.М. Степняка-Кравчинского «Андрей Кожухов» (С. 152–153, 186). В этом романе, первоначально написанном для английской публики под названием «Карьера нигилиста», писатель в образе революционера Давида Стерна изобразил многие черты хорошо знакомого ему «Зунда» (Зунделевича). Поэтому-то обращение к ярким, реалистичным и художественно выверенным сценам из этого сочинения только усилило эффект от и без того удачно выполненного масштабного политического портрета Аарона Зунделевича. В заключении хочу полностью солидаризоваться с выводом, сделанным Г.С. Каном о том, что «своей личностью и своими взглядами Зунделевич существенно обогатил палитру революционного движения 1870-х гг».

Также на хорошем научном уровне выполнена работа исследовательницы М.А. Барабановой о другом члене «Великого ИК» — Савелии Златопольском. История иногда жестока

по отношению к своим героям, часть которых навсегда остается прозябать в забвении в тени других более удачливых современников. Таковой могла оказаться и судьба Златопольского, который мог совершенно затеряться на фоне других ярких представителей «Великого ИК». О большинстве из них есть если не книги (научные монографии, книги из серии ЖЗЛ, либо «Пламенные революционеры»), то хотя бы статьи, о Златопольском же отдельно вообще ничего не писали, он всегда оставался одним из «блестящей плеяды», не более того. Поэтому особенно важно, что молодая исследовательница весьма качественно заполнила существующую научную лауну и вернула из исторического небытия эту отнюдь не рядовую фигуру в составе ИК «Народной воли».

Для того чтобы восстановить биографию своего героя, М.А. Барабанова продела серьезную изыскательскую работу в архивах и, следует признать, что провела она эту операцию весьма удачно. Полученные материалы позволили ей воссоздать детально, объективно и ярко политический портрет Златопольского от самого начала его революционной карьеры до трагического финала в Шлиссельбурге в 29 декабря 1885 г. Еще одним очень весомым достижением историка стала публикация в «Приложении» большого массива документов Златопольского— это показания, записки и письма (С. 213–261). К тому же они сопровождаются весьма качественно выполненными комментариями. Представляется, что все это в дальнейшем серьезно поможет будущим исследователям «Народной воли».

Начинает автор свое повествование с выявления истоков формирования радикального мировоззрения своего героя с детства и отрочества. Этот период своей жизни он провел в Николаеве. Там он с золотой медалью закончил в 1873 г. гимназию, и далее начало его революционной биографии оказалось тесно связано с этим черноморским городом. В нем он после возвращения из столицы, где недолго обучался в Технологическом институте, сотрудничал в журнале «Николаевский вестник», находился в тесных отношениях с революционным кружком Соломона Виттенберга (С. 184–186). Фактически именно Николаев стал «революционной колыбелью» для Златопольского. Однако при описании этого периода жизни своего героя, как мне представляется, М.А. Барабанова несколько пренебрегает познавательными возможностями, которые предоставляют ей дошедшие до нас сочинения самих участников народнического движения.

В первую очередь, конечно, имеется ввиду неоконченный роман «Булгаков», написанный в Шлиссельбурге и принадлежащий перу Ф.Н. Юрковского. В этой книге ярко и талантливо показана жизнь николаевских революционеров начала 1870-х гг. Одна из непосредственных участниц тех событий А.А. Алексеева спустя годы прямо писала: «Я бы не сказала, что «Булгаков»— художественное произведение. Это картина с натуры. Это наша Николаевская коммуна в 1874 г.» [5, с. 268]. Прямо там о Златопольском не пишется, но исторический фон, жизнь и быт николаевских революционеров показаны великолепно, и это, конечно, можно и нужно было бы использовать.

Далее, весьма детально рассматривая путь и идейную эволюцию Златопольского-революционера, М.А. Барабанова на основе анализа документов (собственные показания Златопольского— О.М.) причисляет его к редкому тогда в народнической среде типу политических радикалов. Для него главной целью являлась борьба за «введение в России представительных учреждений» (С. 189). Конечно, с такими взглядами ему был прямой путь в «Народную волю», и на этом пути, как справедливо отмечает автор, важной вехой стало знакомство в июле 1879 г. Златопольского с Н.Колодкевичем, участником Липецкого съезда и будущим членом ИК «Народной воли». Это знакомство и предопределило дальнейший вектор борьбы для Златопольского — в рядах «Народной воли». Там после первых арестов среди членов организации его и принимают в состав ИК.

Для реконструкции биографии Златопольского-народовольца исследовательница привлекает все доступные ей материалы, включая его собственные показания, откровенные показания некоторых лиц из его окружения (И.Саранчов, К.Маслов, А.Борейша), и делает

это весьма эффективно с методологической точки зрения. Ей удалось очень реалистично воссоздать черты и особенности характера своего героя. Это яркий тип революционера — практика и организатора. Он стоит у истоков создания киевской группы народовольцев, незаменим в «небесной канцелярии» (подготовка фальшивых документов — О.М.), затем после ряда арестов зимой 1880 — весной 1881 г. переходит на работу с военными, где играет одну из ключевых ролей в контактах с Военной организацией «Народной воли» (С. 198).

Единственное, что вызывает некоторое неприятие при знакомстве с работой, это уж слишком (на мой взгляд) легковесное жонглирование исследовательницей термином «откровенные показания» при оценке поведения ряда арестованных революционеров. Если в отношении одних, И.Саранчов, К.Маслов, В.Меркулов А.Борейша (С. 195, 197, 209), это имеет смысл, то использование категории «полуоткровенные показания» в отношении шлиссельбуржца Н.Д. Похитонова (С. 198) вызывает недоумение. Как понимать определение «полуоткровенные»? Это сама исследовательница так решила? В своем очерке В.Н. Фигнер несколько иначе и весьма корректно писала об этом факте: «Дегаев раскрыл все эти обстоятельства, и Похитонов не считал нужным в чем-либо запереться» [4, с. 109]. Да и упрек в адрес Ф.Завалишина в даче «откровенных» показаний (С. 202) тоже вызывает вопросы. Думается применять такие жесткие оценки и выносить однозначные и категоричные суждения, да еще и по истечении стольких лет, нужно крайне осторожно и с поправкой на условия того исторического момента.

Рассматривая деятельность Златопольского в «послемартовский период», автор затрагивает и несколько наиболее «спорных» фактов из этого периода деятельности «Народной воли», к которым прямо или косвенно оказался причастен Златопольский. Это антисемитская прокламация, принадлежавшая перу Г.Романенко (С. 199–201), которого принял в ИК Златопольский, попытка сделать из младшего брата С.П. Дегаева Владимира «второго Клеточникова» (С. 203–204), а также неудача при организации покушения на Г.П. Судейкина посредством использования совершенно незрелой и неготовой к этому П.Осмоловской (С. 204–205). На основе всего этого М.А. Барабанова делает вывод о том, что «в обоих этих сюжетах Златопольский предстает как человек, не слишком разбирающийся в людях: ведь свои услуги партии предлагают абсолютные юнцы, хотя и близкие к «Народной воле» (С. 205). Пospорил бы с этим утверждением. Как вариант выдвину контртезис. Может быть, стоит вести речь не только и не столько о «неправильном людском выборе Златопольского», сколько о начавшемся системном кризисе народовольчества после «дела 1 марта»?

Аресты одних лидеров, психологическая усталость и вызванные этим ошибки других, пример Златопольского, а позднее М.Грачевского, лучшее тому подтверждение. Но главное — это кадровый голод, элементарная нехватка подготовленных и идейно выработанных бойцов, а отсюда досадные, как кажется из «исторического далека», ошибки опытных революционеров, их ставка на «зеленую молодежь» и т.п. Сменялось поколение борцов-народовольцев, а для выработки людей нового поколения исторического времени уже не было. Осталась легенда о людях «Великого ИК», которая и служила побудительным мотивом для радикальной молодежи, но вот умения и навыков ей явно не доставало, а своего Александра Михайлова у них не появилось.

19 апреля 1882 г. арест настиг и самого Златопольского. М.А. Барабанова весьма детально рассмотрела подробности ареста и поведения своего героя в тюрьме, на следствии и на судебном процессе. С точки зрения революционной этики, он вел себя безукоризненно. На судебном процессе Златопольский выступил с речью. Вот о ее содержании можно было бы рассказать и подробнее, тем более что о «процессе 17-ти», по которому он проходил, сохранилось и опубликовано достаточно материалов.

Приговоренный к смертной казни, замененной в итоге по воле монарха на вечную каторгу, Златопольский оказался сначала в Алексеевском рavelине, а затем в Шлиссельбургской крепости, где поддерживал товарищей, несмотря на строгий запрет, активно перестукивал-

ся с ними (С. 211). Но страшный тюремный режим вскоре убил этого доброго и жизнелюбимого человека — 29 декабря 1885 г. его не стало. На десятилетия он оставался просто одним из многочисленных членов «Народной воли», и не более. И очень хорошо, что через столько лет память о нем смогла восстановить М.А. Барабанова.

Не согласился бы я только с заключительным авторским утверждением в отношении оценки личности Савелия Златопольского, а именно о том, что он не являлся «деятелем первой величины». В противовес выскажу несколько иную, хотя, несомненно, более романтизированную и тоже не бесспорную точку зрения. Мне представляется, что в «Великом ИК» «Народной воли» были представлены личности яркие, разноплановые и при этом идеально дополнявшие друг друга. В свою очередь, именно это делало этот состав ИК непревзойденным по нравственным и деловым качествам, не только среди народнических организаций, но и, возможно, вообще за всю историю российского революционного движения. И Златопольский в этом ИК являлся важной и неотъемлемой частью, как и остальные его члены, не меньше и не больше.

Подводя итоги, хотелось бы еще раз выразить благодарность авторам за верность теме и объективность в оценке своих героев. Эти очень качественно выполненные исследования, вернувшие в исторический обиход двух неординарных революционеров-народовольцев, лишней раз подтверждают, что тема изучения истории революционного народничества не закрыта. Напротив! В рамках все обостряющейся «борьбы за историю», охватившую не только профессиональных историков, но и общественных деятелей, а также политиков, значимость истинно научных непредвзятых исследований в такой тонкой и очень политизированной сфере, как история революционного движения, только возрастает, как и ответственность ученых, этими проблемами занимающихся.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зверев В.В. Русское народничество. Учебное пособие. М.: Изд-во РАГС, 2009. 286 с.
2. Освободительное движение в России: современный взгляд на вещи или приверженность традициям? «Круглый стол» // Отечественная история. 1999. № 1. С. 3–18.
3. Талеров П.И. Побег Петра Кропоткина: по материалам следствия // Вестник Сургутского государственного педагогического университета 2018. № 3 (54). Ч. 1. С. 60–73.
4. Фигнер В.Н. Шлиссельбургские узники // Фигнер В.Н. Полн. собр. соч. в 7 т. Т. 4. М.: Изд-во Всесоюзного Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1932. С. 5–240.
5. Юрковский Ф.Н. Булгаков. (Роман, написанный в Шлиссельбурге). Воспоминания. Письма. Л. — М.: Academia. 1933. 303 с.

REFERENCES

1. Zverev V.V. *Russkoe narodnichestvo* [Russian populism]. Uchebnoe posobie. M.: Izd-vo RAGS, 2009. 286 s. (In Russian).
2. *Osvoboditel'noe dvizhenie v Rossii: sovremennyy vzglyad na veshchi ili priverzhennost' tradiciyam? «Kruglyj stol»* [Liberation movement in Russia: a modern view of things or adherence to traditions? «Roundtable»] // *Otechestvennaya istoriya*. 1999. № 1. S.3–18. (In Russian).
3. Talerov P.I. *Pobeg Petra Kropotkina: pomaterialam sledstviya* [Escape of Peter Kropotkin: based on investigation materials] // *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2018. № 3 (54). Ch.1. S. 60–73. (In Russian).
4. Figner V.N. *Shlissel'burgskie uzniki* [Shlisselburg prisoners] // Figner V.N. *Poln. sobr. soch. v 7 t. T.4.* M.: Izd-vo Vsesoyuznogo Obshchestva politkatorzhan i ssyl'noposelencev, 1932. S. 5–240. (In Russian).
5. Yurkovskij F.N. *Bulgakov. (Roman, napisannyj v Shlissel'burge). Vospominaniya. Pis'ma* [(Novel written in Shlisselburg). Memories. Letters]. L. — M.: Asademia. 1933. 303 s. (In Russian).